

Война за право жить

*Папян Нарине Юриковна,
магистр психологии,
клинический психолог
Национального центра охраны психического здоровья,
г. Ереван, Армения.*

При работе над этой статьей у меня было очень мало времени для рефлексии и подготовки. Война делает невозможным любое планирование, так как я нахожусь в постоянном состоянии неопределенности. В моей психологической практике я впервые столкнулась с войной и военными травмами. Я благодарна Людмиле Трубицыной, которая меня поддержала и поделилась своим опытом, понимая, что психоаналитическая техника работы при военных травмах не работает.

Ровно как месяц Армения и армянский народ подвергаются агрессии со стороны Азербайджана, Турции и наемников-джихадистов-исламистов. Говорить непосредственно о психологическом лечении сейчас невозможно, т.к. мы находимся в центре травмы. С одной стороны, вся страна в горе из-за огромных потерь. Каждый житель Армении видит траур и горе в глазах соотечественников – практически каждая семья потеряла родственника-солдата. С другой стороны, война продолжается, и нам нужно бороться и выживать. «Истину нельзя приравнять к красоте, так как красота исчезнет, а много из того, что истинно – некрасиво или уродливо» (Д. Стайнер 2020 г.). Нам нужно говорить только правду, какой бы уродливой она ни казалась. Психологи сталкиваются с такими симптомами, как шок, мутизм, страх, сужение области сознания (интеллектуального и эмоционального), гиперактивация физических процессов. Красной линией идут интрузивные симптомы, такие как острые флэшбеки, звуки, обсессивные симптомы.

Солдаты говорят, что это война пятого поколения (гибридная): «Мы не знаем, с кем мы воюем. Мы не видим солдат. Мы слышим звук беспилотников, а затем наблюдаем части разорванных тел». 20-летний раненый говорит: «Вы не можете себе представить, что происходит на поле боя». Я могу только ответить: «Да, меня там не было, но я могу пережить и разделить ваши чувства здесь и сейчас». Рассказ солдата Маиса: «Я ранен, а все мои друзья погибли. Семь дней я находился на грани жизни и смерти, я ощущал так близко смерть. На моих глазах убили однополчанина – его кровь меня забрызгала. Я стоял без оружия перед врагом, но он не выстрелил. Наверняка посчитал, что за мной стоят другие солдаты. Это был первый случай, когда я чудом остался жив. Второй произошел в тылу врага – из нашего отряда осталось только три человека. Мы прятались в лесу, а ночью должны были перебраться через минное поле. Я шел и боялся, что подорвусь. Нам удалось спастись, хотя мы продержались без воды и еды 4 дня. Чуть позже меня ранили – и вот я здесь. Сейчас я не хочу возвращаться домой, ведь мне придется рассказывать об этом семье. Родственники будет задавать вопросы, а я хочу побыть собой».

Многие солдаты говорят в один голос: «Мы воюем ради вас, защищаем землю ради вас – матерей, сестер». И я задумалась, что же происходит внутри этих людей. Ими движет не только инстинкт самосохранения – внутри как будто активизировалась старая травма геноцида, который был более 100 лет назад. Это не просто война за территорию – это геноцид против армянского народа, который далеко не первый. Офицер делился воспоминаниями о первой войне в 1992 году, когда при входе в дом он увидел расчлененные тела женщин, подвешенные на веревке. Подобное варварство оставляет неизгладимую печать в памяти народа и его потомков.

Впервые термин «геноцид» ввел в юриспруденцию Рафаэль Лемкин еще в 1933 году. По его формулировке, геноцид – это когда одна часть человечества истребляет другую. Нам нужно сначала обратиться к проблеме дезинтеграции общества, а затем понять последствия переживших геноцид

народов и их потомков на основе метапсихологии З. Фрейда. Фрейд был хорошо знаком с антропологией, которая позволила проанализировать умственную деятельность примитивных рас. В работе «Тотем и табу» (1913 г.) З. Фрейд исследовал запреты на образование народов, инцесты и убийства. Приходится признать, что от следующих поколений невозможно скрыть тайны – все негативные события оставляют след в потомках, т. к. психическое вторжение порождает токсические включения, которые действуют как инородные тела.

В проявлениях любого психического действия мы должны учитывать травматические процессы, которые претерпели изменения со стороны психики человека. Этот процесс предполагает, что он связан с формированием общественной и групповой жизни. Выжившие в геноциде уподобляются животным, которых нужно уничтожить. Евреи сравниваются с крысами во время Холокоста, армяне – с неверными собаками. Анализ есть провал, который фиксируется в формирующейся структуре фобии истребляющего субъекта, ведущей к патернализму (Д. Донабедян). При утверждении групповой нарциссической позиции – вместо примитивной орды, табу, инцеста, убийства, фобических процессов, основанных на вине сыновей, пантернализме, создается хаотическая структура лидера деструктивной орды, которая берет на себя деятельность мафии.

Лидеры деструктивной орды основаны на ненависти к незнакомцам, последняя рассматривается как субъект, угрожающий их общности. Он рассматривается как объект преследования, в котором реализуются все агрессивные устремления, имущественные желания, обладание, которое воплощается в атмосфере ужаса. Желание обладать связано с первичным нарциссизмом, который направлен на постоянный поиск материнской любви, посредством которой Эго стремится ассимилироваться с материнским объектом, исключая третью сторону. Вождь разрушительной орды становится единственным всемогущим, совершенным благодаря которому

формируется слепое поклонение. И в 21 веке, прямо сейчас продолжается истребление езидов в Сирии той же ордой.

Эта ненависть к незнакомцу подвергается психологическому давлению. Человек, которого они стремятся уничтожить, приравнивается к животному (крыса, собака) – носителю возбудителя болезни (чумы, чесотки). Как и сейчас, невозможность соблюдения гуманитарного перемирия – уже 4 недели трупы солдат разлагаются и становятся пищей для диких кабанов, гнилостных бактерий, тем самым сама природа утилизирует следы преступления орды. Эта дегуманизация во многом оправдывает разрушения, которые имели место, как во время Холокоста. Сейчас мы это наблюдаем. Нет запрета на цензуру, помещающую разрушительную толпу в некультурную сферу, поскольку так называемые первобытные народы никогда не сеяли разрушительную ненависть против части своего сообщества. В своей книге «Зло в культуре» (перевод с французского) Натали Зальштейн еще раз обращается ко всем взглядам З. Фрейда – на идею отсутствия вины в нецивилизованных обществах. Чувство вины связано с тревогой – о том, что человек испытывает внешнюю силу или внутреннюю Суперэго. Второй вид тревоги связан с наказанием в случае запрещенных желаний. Под нецивилизованными обществами мы можем подразумевать те группы людей, у которых отсутствуют культурно-исторические ценности.

Индивидуальное или коллективное убийство позже забывается (вытесняется) или отщепляется через механизм расщепления, приобретая скрытый, тайный характер. Страх коллапса – субъект не осознает, что несет с собой то, что, как он опасается, ему предстоит испытать. Неумолимая амнезия удваивает насилие прошлого, и через удушающее невыразимое говорит ужас. Планы геноцида основываются на тех же механизмах: лишить население информации, заставить молчать интеллектуалов, и только потом расколоть – действовать словом, а затем делом, избавляясь от физических лиц. Проецируя события на внутреннего врага, чтобы безнаказанно устроить резню, стереть следы совершенного преступления.

Сейчас мы можем обнаружить себя в объединении коллективной травмы. Каждый человек переживает трагедию на личной основе, а с другой стороны коллективное измерение представляет собой восстанавливающий ресурс. Любое травмирующее воздействие действует по принципу аналоговой фотографии – проходит через темную комнату. Не производит никакого впечатления и содержит информацию, которая обычно не видна, пока не смывается проявитель. Флэшбеки с расчлененными частями тела, которые никак не могут стереться из памяти, поступают как «сырые элементы» (Бион). И тогда наша задача через материнскую «Альфа-функцию» смочь это как-то «переварить», найти в своем психическом пространстве место, трансформировать и вернуть в более обработанной форме.

И, похоже, мы можем сравнить солдата с младенцем, у которого повреждена вся психическая кожа. Нам нужно создать контейнер внутри, чтобы дать человеку возможность на что-то опереться. Кабинет – это не поле боя, но в кабинете мы можем открыть окно толерантности, насколько солдат сейчас может терпеть свою боль и разделять ее в этом пространстве. Кажется, что есть условия для безопасности, которые мы создаем, но также нужно найти ресурсы и в себе. И помочь укрепить Эго через возвращение идентичности и через связь непосредственно с природой. Например, беженцы матери пекут лепешки из зелени или варят суп из собранных в горах растений, тем самым укрепляя свою идентичность.

После любого массового побоища надежда на возрождение реализуется через потомство. И, как мне кажется, эту надежду можно передать и сейчас в работе с пациентами, ведь когда границы рушатся вместе с точками опоры, паника и страх могут взять верх. И чтобы не потерять свойства человечества, нам нужно мужество для творческого созидания и для построения гуманного общества.